

Лицо императора Аньцина багровело и бледнело. Он медленно обвел взглядом придворных, словно пытаясь разглядеть, кто именно прибрал к рукам богатство семьи Ши. Сановники, что еще недавно сцеплялись друг с другом, точно драчливые петухи, теперь стояли, опустив головы и боясь даже вздохнуть. А те из чиновников, в чьих домах таились наложницы, украдкой посматривали на стоящего посередине Сяо Чжигэ — с сокрушительной смесью затаенной злобы и страха.

Для южных влиятельных кланов не было в новинку подносить дань столице в поисках покровительства. Знатные дома Ецзина купались в роскоши, к тому же там царил дух соперничества: древние роды с вековыми устоями еще кое-как сводили концы с концами и сохраняли благородный вид, но выскочкам из новоиспеченной знати одного лишь жалованья и пожалованных пашен ни за что не хватило бы на жизнь с целой оравой слуг. Вот и выходило, что все они жадными глазами косились на жирный кусок на юге.

Император Аньцин прекрасно обо всем знал. Оттяпав лакомый кусок от южных кланов, чиновники лучшую долю, разумеется, отсылали во дворец, прямо в личную сокровищницу императора Аньцина. Поэтому на протяжении многих лет он закрывал на их дела глаза. Среди сыновей покойного императора Аньцин не отличался талантами, а его способности едва тянули на посредственные. Однако в борьбе за престол ему повезло с матерью — вдовствующей императрицей Чжао, — благодаря которой он и унаследовал трон без особых помех. Взойдя на престол, он поначалу питал какие-то высокие помыслы, но со временем, пьянея от вина и дурманящих чар красавиц, постепенно забыл обо всех амбициях.

Как-никак он император, и даже если небо обрушится на землю, впереди всегда встанут вдовствующая императрица Чжао и семья Чжао. Если не предаваться утехам сейчас, то когда же?

Однако мысли юности на склоне лет постепенно превратились в липкий страх. Вдовствующая императрица Чжао всегда презирала собственного сына. Раньше у нее просто не было выбора, кроме как подталкивать его к власти. Но теперь наследный принц уже возмужал, а сам император с каждым днем дряхлеет. Что, если в один прекрасный день вдовствующая императрица Чжао или семья Чжао потеряют терпение и решат заменить его наследным принцем?

Люди всегда боятся смерти, а уж такие, как император Аньцин, цепляются за жизнь больше прочих. Не будь это так, он не стал бы разыскивать даосов по всей стране в поисках эликсира бессмертия. Ему ведь еще не исполнилось и пятидесяти — он далеко еще не жил свое!

Глядя на молчаливых придворных, стоящих внизу, император Аньцин чувствовал, как паника сжимает сердце еще сильнее. Эти люди, обязанные подчиняться его воле и поддерживать его, при его жизни уже начали принимать стороны его сыновей! Даже несметные богатства семьи Ши, на которые он сам зарился, тихо и незаметно разделили между собой наследный принц и эти сановники. А ему, императору, достались лишь объедки со чужого стола!

Вспомнив о бодрой вдовствующей императрице Чжао, находящейся в расцвете сил императрице Чжао и набравшем силу наследном принце, император Аньцин исказился в злобной, перекошенной ухмылке. Он мстительно оглядел сановников и, резко взмахнув рукавами, поднялся:

— Отлично... Превосходно! Вы все просто молодцы!

Чиновники, охваченные ужасом, дружно пали на колени:

— Его Величество, молим о пощаде!

Император Аньцин смерил их тяжелым взглядом и отрывисто бросил:

— Заседание окончено!

Главный евнух пронзительно выкрикнул указ. Император Аньцин уже покинул тронный зал, но ни один из стоящих на коленях придворных так и не дерзнул подняться.

Лишь когда правитель со своей свитой ушел далеко, чиновники переглянулись и с опаской встали. Затем все они как один настороженно уставились на Сяо Чжигэ, стоящего в самом центре. Будь то фракция наследного принца или третьего принца, раньше никто из них не считал второго принца соперником. Пусть он и носил титул Бэйчжань-вана, совершил неисчислимое множество военных подвигов и удерживал в руках отборные войска Яньчжоу, дурное знамение при рождении и дурная слава на улицах города закрывали ему путь к престолу.

К тому же он не так давно взял в супруги мужчину. Принц, женившийся на мужчине, на императорском троне? Это же смехотворно, глупее шутки не придумаешь! Единственное, о чем им стоило беспокоиться, — это чтобы Бэйчжань-ван, опираясь на армию, не замыслил мятеж.

Но никто и помыслить не мог, что этот зверь, казавшийся жестоким и неотесанным воином, на деле окажется хитрым и скрытным волком. Поездка на юг не только нанесла сокрушительный удар по силам наследного принца и третьего принца, но и отмыла его собственное имя от прежней грязи, принесла ему народную любовь.

«Он явно нацелился на престол!»

Придворные обменялись взглядами и, молча огибая его, направились к выходу. Вернувшись домой, им предстоит заново обдумать шаги.

Юйши-дафу Цзи Аньминь шел рука об руку с канцлером Ань Чжикэ. Заметив, как потемнел лицом Ань Чжикэ, Цзи Аньминь с усмешкой поздравил его:

— Бэйчжань-ван на этот раз совершил великий подвиг. Позвольте поздравить вас, господин канцлер.

Кто в Ецзине не знал, что Ань Чжикэ за спиной у всех тайно и тесно спутался с наследным принцем? Да и то, что Бэйчжань-ванфэй состоит в натянутых отношениях со своим отцом, уже давно не было ни для кого секретом. Это поздравление Цзи Аньминя заставило Ань Чжикэ позеленеть от злости, прежде чем он смог с трудом выдавить натянутую ухмылку.

Цзи Аньминь, будто не замечая его состояния, весело сложил руки в приветственном жесте и удалился.

Оставшись в одиночестве с мрачным лицом, Ань Чжикэ судорожно размышлял, как быть дальше. Раньше, когда Бэйчжань-ван явно не проявлял притязаний на трон, все было просто. Но теперь, когда он открыто показал когти и заявил о своих амбициях в борьбе за престол, Ань Чжикэ, номинально приходящийся тестем Бэйчжань-вану, оказался в крайне затруднительном положении.

Ань Чанцин мечтает отречься от него как от отца, а Бэйчжань-ван ни во что не ставит своего тестя. Прежде он не придавал этому значения, но теперь дело принимало скверный оборот. Он

давно присягнул на верность наследному принцу и не мог допустить, чтобы тот усомнился в его преданности. С другой стороны, подумав о шатком положении принца, он заколебался. Если бы выбор стоял только между наследным принцем и третьим принцем, он без колебаний поставил бы на наследного принца. Но если в игру вступит Сяо Чжигэ, уверенность улетучивалась.

Ибо одна лишь военная сила в руках Сяо Чжигэ внушала глубокий трепет. Если дело дойдет до полного разрыва, а Бэйчжань-ван, плюнув на репутацию, захватит трон, у семьи Ань больше не останется ни малейшего шанса на спасение...

Ань Чжикэ взвешивал все «за» и «против», совершенно не зная, к какому берегу пристать.

Знай Ань Чанцин, о чем думает его отец, он непременно сказал бы ему: между ним и семьей Ань уже давным-давно нет никакого пути к примирению.

Покинув дворцовый зал, император Аньцин велел призвать к себе наследного принца.

В последние дни император Аньцин прекратил принимать снадобья и не смел предаваться утехам с красавицами, оттого вокруг него стало куда спокойнее — при нем оставались лишь служанки и евнухи.

Наследный принц уже прознал о том, что произошло на совете. В душе пылая ненавистью к Сяо Чжигэ, он тем не менее придал лицу сокрушенный и изнуренный вид и поспешил к императору Аньцину.

Император Аньцин полулежал на кушетке и, опустив взор, разглядывал покорно склонившегося перед ним наследного принца.

После того как на юге вспыхнули народные бунты, наследный принц из-за своей неспособности уладить дело добровольно признал вину и удалился в Восточный дворец для размышлений над своим поведением. Раньше император Аньцин сочувствовал сыну: как-никак, когда у самого правителя не хватало сил, принц брал на себя управление государством и немало потрудился. Даже когда тому не удалось подавить мятеж на юге, император не стал его сурово наказывать — в конце концов, это был его первый опыт, и неудачу можно было понять.

Однако теперь, когда император заподозрил, что все сокровища семьи Ши перетекли в карман наследного принца, от прежней отцовской снисходительности не осталось и следа.

Император Аньцин впервые не велел сыну подняться, продолжая молча смотреть на него сверху вниз. Лишь спустя долгое время он произнес:

— Я слышал, наложница в твоём поместье — дочь семьи Ши?

У наследного принца екнуло сердце, но ему оставалось лишь собравшись с духом ответить:

— Так и есть.

Он рассчитывал, что если император Аньцин начнет допрос, то он оправдается, а затем добровольно поднесет ему богатства семьи Ши, тем самым уладив кризис.

Однако, к его удивлению, император Аньцин ограничился этим единственным вопросом и не

стал продолжать тему. Вместо этого он внезапно спросил совсем о другом:

— Наследному принцу в этом году исполнилось двадцать шесть?

Наследный принц не мог разгадать его мыслей, а потому ответил:

— Да.

Император Аньцин издал неопределенный смешок и произнес:

— Уж не дитя. Впредь ведай дела более осмотрительно.

Наследный принц:

— Слушаюсь. Ваш покорный слуга запечатлеет наставления Августейшего родителя в своем сердце.

Император Аньцин устало махнул рукой:

— Я устал. Иди.

Странно пришел, странно ушел... Наследный принц поклонился и вышел. Лишь осмыслив сказанные императором слова, он медленно изменился в лице.

Похоже, из-за дела семьи Ши у императора Аньцина затаилось против него недовольство. Но раз император не задавал прямых вопросов, принц не мог сам броситься оправдываться. Пришлось смириться с этим немым ударом.

— Сяо... Чжи... гэ, — сквозь зубы процедил наследный принц и с мрачным видом направился в покои императрицы.

Сяо Чжигэ пока вернулся в поместье князя.

Благодаря усердию Ван Фугуя в поместье князя все оставалось в полном порядке. С тех пор как Ань Чанцин задал ему хорошую трепку, управляющий ходил как по струнке. И хотя почти целый год обоих хозяев не было дома, он не дерзал отлынивать и исполнял свои обязанности еще ревностнее, чем прежде. Усадьбы и лавки в Ецзине содержались в абсолютном порядке.

Сяо Чжигэ остался доволен. Раз слуги честно исполняют свой долг, Ань Чанцину по возвращении не придется тратить лишние силы.

<http://bllate.org/book/18381/1767878>